

ХЕНН СААРИ

ПАРЫ СВОЕЯЗЫЧНЫХ И ИНОРОДНЫХ ТЕРМИНОВ (МНОГОАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ)¹

Слова, которые обычно называются «иностранными», «иноязычными», «международными» (соответствующие понятия не совпадают полностью), с точки зрения современного эстонского языка удобнее характеризовать не по признаку происхождения, а, прежде всего, по структурным признакам. Можно полагать, что та часть заимствованного словесного материала, которая отличается определенными структурными особенностями, несвойственными исконной эстонской лексике, в сознании и компетенции носителей языка образует четко ограниченную группу, в то время как заимствования без таких признаков нечетко отличаются или вовсе не отличаются от исконного материала. Для грамматиста и лексиколога упомянутая часть лексики также представляет собой сравнительно легко определяемую, поддающуюся результативному описанию и анализу категорию. Относящиеся к ней эстонские слова мы предлагаем называть *и н о р о д н ы м и* в отличие от *с в о е я з ы ч н ы х*, структура которых, независимо от их происхождения, относится к исконно эстонскому типу. К инородным заимствованиям примыкают, кстати, немногие образования инородного типа, возникшие в самом эстонском языке.

Вопрос о вторичных характеристиках своеязычного и однозначного с ним инородного слов имеет неспециальный, нетерминологический характер. Различие между наблюдаемым нами явлением в пределах специальной лексики и тем же явлением в общелитературном языке относится к теоретическому уровню, на котором решается вопрос о возможности и характере полной, или истинной, синонимии. Полная синонимия слов (точнее: их лексико-семантических вариантов) с точки зрения языка вообще имеет нестабильный характер, она (как в силу разных контекстов и конституций, так и в силу более глубоких семантических сдвигов) сравнительно легко переходит в неполную. В отличие от такой обстановки, полная синонимичность терминов имеет в принципе устойчивый характер, связанный с зафиксированностью содержательного плана

¹ Подробное изложение с теоретико-лингвистическим введением (на эстонском языке): Saari H. Omasõna ja võõrsõna paarid eesti oskussõnavaras (1): Eelduste loomine.— Keel ja Kirjandus, 1980, nr. 11, lk. 654—666; nr. 12, lk. 737—743; Saari H. Omasõna ja võõrsõna paarid eesti oskussõnavaras (2): Omast vaatenurgast.— Keel ja Kirjandus, 1981, nr. 4, lk. 201—210; nr. 5, lk. 282—288.

термина. Отметим, что эволюция понятий, как правило, не вредит стабильности полносинонимических пар ни в терминологии, ни в общелитературном языке.

Итак, если мы не подчеркиваем разницы между в принципе нестабильной и в принципе стабильной синонимией, анализ пар своеязычных и инородных терминов (ПСИ) без особых изменений может быть применен и на уровне общелитературного языка. Язык науки и техники — это естественный подъязык литературного языка, и многие результаты исследований и наблюдений над этим подъязыком могут быть с некоторой осторожностью использованы и при построении теории литературного языка в целом.

Приступая к изложению методики для анализа «второго порядка» ПСИ, прежде всего объясним, что мы понимаем под анализом «первого порядка». Это — установление ПСИ, исходя из правильности, или нормативности, обоих членов каждой пары. Первичный анализ идет по известному пути ортологической² оценки. Если оба члена пары в данном языке засвидетельствованы и ни тот, и ни другой из них не обладает качествами, вызывающими отрицательную оценку, то на основании так наз. принципа богатства оба они признаются «правильными», согласующимися с литературной нормой средствами выражения. Подобные допустимые синонимические пары известны во многих языках. Они неоднократно привлекали внимание русских, литовских и латышских исследователей³.

Если же оба члена одной такой пары приемлемы в литературном языке без каких-либо различий в значении, то тем не менее они между собой формально различаются. Нас интересует эффект такого различия как в обстановке коммуникации, так и в дальнейшем развитии языка. Констатацию такого вторичного неравенства не следует понимать как безусловное предпочтение того или другого члена пары. Наоборот, разные качества, насколько они полезны, дают разным формальным вариантам право на совместное существование даже в специальной лексике.

Обратим внимание на то, что если полносинонимические ПСИ, проходящие через фильтр анализа первого порядка, существуют, а функциональная сторона одних членов их полностью не совпадает с функциональной стороной других, то, следовательно, бывают случаи, когда единицы языка обладают каким-то аспектом или какими-то аспектами

² Ортология в нашем понимании — культура речи как лингвистическая дисциплина. Соответствующее прилагательное — *ортологический*.

³ Напр.: Даниленко В. П. Русская терминология/Опыт лингвистического описания. — М.: Наука, 1977, с. 175; Klimavičius J. Tarptautinių ir lietuviškųjų terminų sinonimija terminografijoje. — Lietuvių terminologija (Lietuvių kalbotyros klausimai), 1975, t. 16, p. 91—123; Скуня В. П. Соотношение интернациональных элементов в латышской и русской научной терминологии. — В кн.: Вопросы разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973, с. 149—160.

содержания, не входящими в рамки их семантической структуры в обычном лингвистическом смысле, т. е. функциональная сторона языковых единиц может быть шире их семантики.

Предполагая полную синонимичность членов ПСИ, которая осуществляется в пределах достаточно ограниченного терминологического поля, мы предпочитаем называть такие члены не разными терминами, а аллоформами, т. е. буквенно-звуковыми вариантами одного и того же термина.

Приступая к изложению приемов (критериев) анализа второго порядка, прежде всего остановимся на внутренней и внешней направленностях аллоформ. Последние нередко различаются между собой тем, что своеязычная аллоформа как-будто «направлена» внутрь, т. е. к народу — носителю данного языка, а инородная — к международному кругу специалистов (это и есть внешняя направленность). Внутренняя направленность термина «шире» в том смысле, что она учитывает всех носителей данного («нашего») языка, в то время как внешняя направленность его учитывает лишь тех, кто знаком с данной специальностью (со специальным понятием). Внешняя направленность, в свою очередь, шире в том смысле, что из специалистов данной отрасли знаний она учитывает не только владеющих «нашим» языком. Разумеется, что внешняя направленность эффективна в случае, если инородный термин действительно является интерлингвальным (международным) не только по своему внешнему облику, но и по своему содержанию.

Внешняя направленность имеет два аспекта: пассивный и активный. Пассивный аспект заключается в том, что, если в данном языке есть инородное слово, то при благоприятных условиях мы понимаем и его коррелят в иноязычном тексте. Активный аспект состоит в том, что если в текст, написанный на нашем родном языке, мы вставим инородный интерлингвальный термин, то можно полагать, что специалисту с иным родным языком несколько легче понимать наш текст. Отсюда следует, что внешняя направленность имеет неодинаковую ценность для языков, на которых создается масса специальной литературы для экспорта, и для тех, у которых специальная литература не имеет большого внешнего распространения.

В пределах внутренней направленности наблюдаются «простая своеязычность» и «прозрачность». Простая своеязычность проявляется в том, что масса своеязычных языковых единиц в текстах представляется более благоприятной, чем масса инородных. Отсюда качество простой своеязычности переносится и на отдельные слова. Прозрачность, или транспаренция, слова — известное в современном языкознании понятие. Не совсем легко найти примеры, в которых предпочтение слова в речи ради его простой своеязычности проявляется в чистом виде, т. е. без поддержки со стороны транспаренции. Одно из таких слов — эст. *lõge* «родничок», образующее пару с инородным *fontiikul*. Последнее встречается

весьма редко, несмотря на то, что корень этого слова известен по слову *fontään* «фонтан», а само *lõge* ни с чем иным в литературном языке не ассоциируется. *Lõge* — диалектное слово, которому медиками придано значение родничка. Тем не менее, именно оно освоено и народом, и медиками. Примеров пар с более прозрачным своеязычным словом множество: *suhkurtõbi* — *mellitdiabeet* «сахарный диабет, *diabetes mellitus*», *kahepaiksed* — *amfiibid* «земноводные», *eemaldumus* — *elongatsioon* «элонгация» и т. д.⁴

Прозрачностью нередко обладают и инородные слова. Их транспарентность во многом зависит от личности: от владения иностранными языками, от способности анализировать инородные слова. Сравним аллоформы *kontraforss* и *tugipiilar*⁵. Если определенному лицу архитектурный термин *piilar* «пилон» неизвестен, а корни *kontra-* и *forss(eerima)* «форсировать» известны, то инородная аллоформа *kontraforss* для него оказывается транспарентной, чего нельзя сказать о своеязычной параллели. Таким образом, часть инородных членов пар обладает относительной внутренней направленностью, а граница между разными направленностями не совпадает с границей между своеязычностью и инородностью слов.

Далее следует остановиться на точностной способности аллоформ. Для этого необходимо уточнить понятие «точность». Нами проведен анализ соответствующих высказываний в терминологической литературе. Оказывается, что «точность» имеет для терминологии два разных смысловых содержания. Согласно этому, мы различаем сигнификативную и коммуникативную точность. К сигнификативной точности относится, прежде всего, однозначность термина, а кроме того, достаточная для специального общения известность его значения. Таким образом, сигнификативная точность относится к содержательному плану лексических единиц. Говоря о сигнификативной точности, проще всего предполагать, что в обоих конечных пунктах канала общения код (форма и содержание единицы) одинаков и известен в одинаковой степени.

Под коммуникативной точностью мы понимаем способность формальной стороны единицы избегать непонятности ее в конце канала — при приеме сообщения. Для точности в этом смысле требуется, чтобы буквенно-звуковая оболочка термина явственно отличалась от других. Кроме того, коммуникативная точность создается верной ориентацией внутренней формой единицы, правильным подбором эксплицитно выраженных признаков понятия. Так, при коммуникативной точности полная

⁴ *suhkur* — «сахарный», *tõbi* «болезнь»; *kahe-* «два, дву-», *paik* «место; среда», *-ne* — суффикс; *eemaldu-* «отдаляться», *eemaldumus* — отглагольное существительное состояния.

⁵ Слово *kontraforss* по значению и форме хорошо соответствует русскому *контрфорс*; *tugi-* «опорный», *piilar* «пилон».

тождественность кода в обоих концах канала не предполагается. Если принимающему сообщение содержание термина не совсем ясно, он пытается понять этот термин на основе его компонентов. Типичным примером подобных положений служат учебные ситуации. Обладающий коммуникативной точностью термин легче запоминается и способствует пониманию преподаваемой дисциплины. Понятно, что лексическая единица может одновременно обладать как сигнификативной, так и коммуникативной точностью.

Наблюдения над эстонской терминологией позволяют сделать вывод о том, что существуют пары своеязычных и инородных слов, инородные члены которых обладают способностью точнее передавать смысл термина, чем своеязычные эквиваленты. Сюда относится, напр., первокомпонент сложных слов *koht-*, разные значения которого выявляются при сравнении его с инородными эквивалентами *lokaal-* «местный, локальный» и *statsionaar-* «стационарный». Однако больше в нашем материале случаев, где более точными оказываются своеязычные аллоформы, напр., *ökonomia*, с одной стороны, *majandus*, *majandusteadus* и *kokkuhoid*, с другой ([*veo*] *majandus* «экономика [транспорта]», *majandusteadus* «экономика (как наука)», *kokkuhoid* от *kokku hoidma* «экономить»).

Утрата точности у инородных слов часто связана с их многозначностью, которая возникла и закрепилась в международном обиходе и поэтому трудно устранима в одном только эстонском языке. Устранение многозначности инородных слов путем сужения их семантических участков нередко приводит к положительным результатам. Напр., *telefon* имеет два значения в одном узком терминологическом поле: 1) вид связи, 2) капсюль для слушания, наушник (часть телефонной трубки или наушников). Для второго значения создано особое слово *kuular* (от *kuula-* «слушать»). Вопрос теперь в том, можно ли сузить употребление слова *telefon* таким образом, чтобы оно в значении наушника больше не применялось. Регулирование употребления своеязычных слов и дополнительное создание их — нередко путь более легкий, чем регулирование употребления межъязыковых слов.

Члены ПСИ поддаются анализу с точки зрения словообразовательной способности и краткости. Известно: чем короче слова, тем удобнее на их базе словообразование. Многолетние наблюдения автора данной статьи, и не только его⁶, свидетельствуют о том, что эстонские своеязычные термины в среднем несколько короче, чем их инородные соответствия. И мы не стали бы сомневаться в правомерности нашего убеждения, если бы не встречались в литературе с утверждениями, согласно которым инородные (международные) термины являются, как правило, более краткими⁷. По В. В. Акуленко, при малой

⁶ Напр.: Erelt T. Eesti oskuskeel.— Tallinn: Valgus, 1982, lk. 75.

⁷ Квитко И. С. Термин в научном документе.— Львов: Вища школа, 1976, с. 69; Даниленко В. П. Указ. соч., с. 210.

интернационализации терминологии сообщения заметно удлиняются, «о чем свидетельствует практика некоторых германских, финно-угорских и других языков»⁸. Поскольку эстонский язык — один из финно-угорских, то нас заинтересовало, действительно ли данное утверждение распространяется и на него.

Чтобы обеспечить достоверность результатов, мы предварительно проанализировали с этой точки зрения разные источники эстонской специальной лексики и избрали для статистического анализа новый словарь математических терминов⁹. Он отражает одну из наших немолодых, солидных терминологий. Книга практически свободна от современного стремления к краткости. Подсчету подверглась длина слов по слогам. Проанализированы 172 пары. Оказалось, что длина своеязычных слов составляет в среднем не более 84% длины их инородных соответствий. Дополнительно был проведен анализ тех же пар с точки зрения прозрачности (тем самым — коммуникативной точности). Из 36 пар, в которых своеязычная аллоформа была длиннее инородной, 1/3 составляли такие, в которых она превосходила инородную по прозрачности. В остальных 24 случаях превосходства по прозрачности ни той, ни другой аллоформы установить не удалось.

Можно полагать, что в настоящее время средняя длина своеязычных эстонских терминов скорее уменьшается, чем растет. Относительная слоговая длина стандартизованных терминов в течение 70-х гг. и начала 80-х заметно убывала. (Относительной длиной мы называем число слогов эстонского термина, деленное на число слогов его русского стандартизованного эквивалента; она выражается в процентах.) Пользуясь методом наименьших квадратов (линейной корреляции), мы установили, что в республиканских стандартах ЭССР типа «Термины и определения» годовая убыль относительной слоговой длины эстонских основных терминов составляет в среднем 2%. Понятно, что такой сильный тренд не может существовать вечно. Однако ввиду того, что большинство стандартизованных терминов — своеязычные, можно полагать, что этот тренд за данный промежуток времени способствовал сохранению разницы в длине инородных и своеязычных терминов в пользу последних.

Следует указать на то, что постепенное сокращение эстонских терминов, насколько оно наблюдаемо, не объясняется аббревиацией или применением сложносокращенных слов. Краткость, по крайней мере основных терминов, достигается использованием естественных структурных средств языка, выявлением которых уже много лет занимались эстонские филологи, интересующиеся терминологией.

⁸ Акуленко В. В. Научно-техническая революция и проблема интернациональной терминологии.— В кн.: Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977, с. 81.

⁹ *Matemaatika oskussõnastik*.— Tallinn: Valgus, 1978.— 200 lk.

Приведенные выше приемы оценки, по-видимому, не исчерпывают перечня возможных критериев анализа членов ПСИ. Вкратце о системной способности аллоформ. Вопрос в том, каким образом разные члены ПСИ способствуют или противодействуют изоморфности («симметрии») понятийных и лексических рядов. Эстонский язык характеризуется избытком слитных единиц и возможностью строить слова — цепи из нескольких (даже до 5—6) основ. Благодаря этой характерной черте языка возможны ряды слов, изоморфные понятийным системам или последовательностям. Данная возможность от случая к случаю реализуется по-разному. Если, напр., аллоформа *näokolju* более прозрачна, чем *vistseraalkolju* (обе «лицевой череп»; *näo* — «лицевой»), то последняя лучше включает свой денотат в систему анатомических единиц, ибо сама включается в систему терминов с определительными компонентами, указывающими на относительное положение или направление.

Порою своеязычные аллоформы индуцируют подчиненное или стоящее выше на иерархической лестнице понятие. Напр., термины *kõrg-rõhkkond* «антициклон» и *madalrõhkkond* «циклон»¹⁰ включают в себя производное слово *rõhkkond*, которое, хотя и не имеет инородного соответствия, выражает понятие, которое очевидно существует, охватывая понятия «циклон» и «антициклон».

Наконец, обратим внимание на то, что описанной нами методике анализа подвергаются не все пары своеязычных и инородных терминов. Часть ПСИ входит в категорию одноденотативных разносмысловых терминов. Члены таких пар — полные синонимы с точки зрения денотативного значения, в то время как их сигнификативные (смысловые) значения не совпадают. Если признавать только сигнификативное значение (как это часто делается в чистой лингвистике), то они не являются синонимами. Если признавать как сигнификативное, так и денотативное значение (это естественно в терминоведении), то их можно считать особым видом неполных синонимов. Денотат как бы рассматривается то с одной, то с другой точки зрения. Пример — первокомпоненты *koht*- и *monoliit*- в сложных словах *kohtbetoon* и *monoliitbetoon*. Оба слова переводятся «монолитный бетон», но своеязычный вариант указывает не на монолитность бетонного изделия, а на изготовление его на месте. Слова *õpiaeg* и *õppeaeg* (*aeg* «время») обозначают одно и то же «время учебы», но первое — с точки зрения учащегося, второе — с точки зрения преподавателей и школьной организации. Решение вопроса о необходимости одноденотативных разносмысловых терминов в рамках специальной лексики входит в круг проблем соответствующих специальностей. В общелитературном же языке они служат обогащению языка неполными синонимами — средствами для передачи разных оттенков значения.

¹⁰ *kõrg*- «высокий», *rõhk* «давление», *-kond* — суффикс совокупности; *madal*- «низкий».